

александр
пелевин

18+

Содержит
нецензурную
брань

гори огнем

Во весь голос

Александр Пелевин

Гори огнем

Издательский дом «Городец»

2022

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос-Рус)6

Пелевин А. С.

Гори огнем / А. С. Пелевин — Издательский дом «Городец»,
2022 — (Во весь голос)

ISBN 978-5-907641-17-4

В популярной психологии бытует мнение, что, представ перед выбором из двух зол, человек всегда решает пойти по тому пути, который требует наименьших усилий. Так ли это? Что руководит человеком, который выбирает стать предателем? Как жить, сделав неверный выбор? «„Повесть о настоящем человеке“ наоборот», как описывает ее автор, прольет свет в потемках души оступившегося человека. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-907641-17-4

© Пелевин А. С., 2022
© Издательский дом «Городец», 2022

Содержание

Предисловие автора	6
Пролог	8
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Пелевин

Гори огнем

© Пелевин А. С., 2023

© ИД «Городец», 2023

Дизайн обложки Татьяны Перминовой

* * *

Александру Пелевину удаются остросюжетные тексты с добавленной реальностью мистики. Годный рецепт для популярной литературы. Как говорится, база! Но проза Александра Пелевина еще и очень умная, наполнена любовью к Родине, интересом к истории, нелицемерным патриотизмом. «Гори огнем» – хорошее продолжение пути, начатого «Покровом-17».

Герман Садулаев

* * *

Предисловие автора

Да, дорогой читатель, не жди большого романа: это будет коротенькая повесть об истории одного предательства. И, учитывая провокационную и непростую тему, затронутую в книжке, все-таки вынужден оставить тут небольшое предисловие.

Текст выходит в сложные военные дни, и было бы соблазнительно воспринять его как пропагандистскую повесть с нехитрой моралью «предавать Родину плохо»; хотя эта мораль там, конечно, есть, да и я против такого восприятия не возражаю. К тому же трудно было удержаться от неких параллелей с нынешней ситуацией, тем более что они действительно есть. Но историю хотелось сделать не об этом.

Идея написать текст о власовцах появилась сразу после завершения «Покрова-17»: я почитал о Дабендорфской школе РОА и захотел поработать над этой историей. Сделал первую главу, да на том и закончил – перестал быть интересен изначальный замысел. Потом в течение года возвращался к этой идее, думал, с какой бы стороны подключиться... И наконец летом 2022 года пазл сложился в голове. Итог можно сформулировать как «„Повесть о настоящем человеке“ наоборот», ну или «Калинова яма – 2», кому как больше нравится.

Возможно, читатель в какой-то момент будет сочувствовать главному (анти)герою, но никакой цели (и желания) морально оправдать власовцев я перед собой не имею, из книги это будет понятно. А насчет сопереживания – что уж поделать, все мы люди, просто иногда плохие.

Не могу претендовать на абсолютную историческую точность, но старался руководствоваться источниками.

Для работы над книгой использованы следующие материалы:

Генерал Власов. История предательства: в 2 т., в 3 кн. – Т. 1. – М.: Политическая энциклопедия, 2015.

Поздняков В. В. Рождение РОА. Пропагандисты Вульхайде – Люкенвальде – Дабендорфа – Риги. – Сиракузы (США): Б. и., 1972.

Артемьев В. П. Первая дивизия РОА. Материалы к истории освободительного движения народов России (1941–1945). – Торонто, Лондон: СБОНР, 1974. (Отдельное спасибо дорогому Мурзу за блестящий перевод этого апологетического труда с власовского на русский.)

Жуков Д. А., Ковтун И. И. Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма. – М.: Пятый Рим, 2020.

Александров К. М. Армия генерал-лейтенанта А. А. Власова (1944–1945): материалы к истории Вооруженных Сил КОНР. – СПб.: тип. СПбГУ, 2004. (Александров тот еще апологет Власова, но в своем предмете шарит.)

В качестве прототипа одного из главных героев взят полковник Н. С. Бушманов.

В общем, приятного чтения. Долго мучить не буду, я не гестаовец.

И да, предавать Родину плохо, по возможности избегайте этого.

*Ибо не понимаю, что делаю:
потому что не то делаю,
что хочу, а что ненавижу,
то делаю.*

Рим. 7:15

*Луна и солнце побледнели,
созвездья форму изменили.
Движение сделалось тягучим,
и время стало, как песок.*

*А дворник с черными усами
стоит опять под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок.
И в окнах слышен крик веселый
и топот ног, и звон бутылок.
Даниил Хармс. Постоянство веселья и грязи*

Пролог

Он не творил зла, чтобы сделать кому-то плохо. Он творил зло, чтобы сделать себе хорошо.

Не надо печалиться, вся жизнь впереди.

Старый дворник в оранжевом жилете поверх ватника опрокинул в бак остатки мусора, поставил рядом ведро и утер лоб рукавом. Взял метлу, хромая на левую ногу, дошел до скамейки, уселся, задымил беломорину.

В Гатчину пришел настоящий апрель, дороги еще не мыли из-за ночного похолодания, а пыли в городе осело преизрядно, и работы у дворника хватало. Но это, конечно, не снег таскать лопатой, да еще в таком-то возрасте.

Дворнику недавно исполнилось шестьдесят семь, но выглядел он на все восемьдесят. Такая уж выдалась жизнь.

Зато солнце впервые за полгода стало по-настоящему греть его старческие кости, слепить по утрам, вышибать слезу из глаз.

Дворник смолит папиросу, сидя на скамейке посреди аллеи, и смотрел по сторонам.

Он выжил не потому, что сделал правильный выбор. Он выжил потому, что сделал неправильный выбор, но очень хотел жить.

Утренний город понемногу просыпался. Прокатился бензовоз, за ним новенький синий «москвич». Из открытого окна у кого-то в радиоприемнике продолжала играть песня:

Вся жизнь впереди, надейся и жди.

Дворника никто не любил. Особенно дети. Им запрещали общаться со стариком. Дети не знали почему. Говорили, что он плохой человек.

Он действительно был плохим человеком.

Соседи при встрече коротко здоровались и отводили взгляд.

Продавщица в гастрономе старалась считать сдачу максимально быстро.

Пару лет назад на двери его квартиры кто-то написал углем: «Сдохни». В милицию обращаться не стал.

В целом жизнь казалась сносной. Крыша над головой есть, еда есть, а главное – есть чем заняться. Зимой чистить улицы от снега, весной – от пыли, летом подметать мусор и окурки, осенью – опавшие листья.

Старик радовался, что у него здесь не осталось ни родственников, ни знакомых. Но одного из старых друзей он все же мечтал встретить.

Каждый день садился на эту лавочку и надеялся, что встретит этого человека.

Человек не приходил.

Дворник сидел на лавочке, докуривал папиросу и представлял, как через месяц страна будет отмечать 30 лет победы в Великой Отечественной войне.

Он не будет праздновать. Это не его победа.

Не надо печалиться, вся жизнь впереди.

Глава первая

Трое в подпоясанных ремнями шинелях, без оружия, в начищенных сапогах устало шагали по грязной наледи дороги. Во влажном весеннем воздухе пахло землей и прошлогодней травой.

– Скучно, – вполголоса сказал Иван Гуляев и повернулся к остальным, продолжая идти спиной вперед. Ободряюще им улыбнулся – до остановки еще долго, надо как-то разбавить уныние, да и негоже офицерам выглядеть печальными доходягами в глазах местных. – «Варяга» все помнят?

Фролов и Бурматов переглянулись и понуро закивали.

Их высадили из грузовика, пришлось идти своим ходом, а в такую промозглую погоду хотелось поскорее в тепло, туда, где еда и выпивка. Но не в каждом кабаке их приняли бы с радостью.

Гуляев просил довести до центра, но водитель отмахнулся и сказал, что не будет с ними возиться, у него другие дела; повернул на перекрестке в пригороде, всех высадил и отправился в сторону завода. Теперь пришлось преодолеть квартал до ближайшей автобусной остановки.

– Ну... – Гуляев набрал воздух в грудь. – Песню за-пе-вай!

И все трое грянули:

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает.
Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

Гуляев воодушевленно задирижировал рукой, улыбнулся самому себе.

По обеим сторонам дороги стояли аккуратные домики из белого да красного кирпича, двухэтажные, с ухоженными террасами... Выглядело все это непривычно, дома были совсем не так. Казалось, будто само окружение хочет быть приветливым, машет, зовет, показывает себя в лучшем свете, мол, смотри, как хорошо у нас.

Только местные смотрели на них с недоверчивым удивлением, будто никогда не слышали таких песен, но точно знали, на каком языке их поют. Строгие пожилые женщины выглядели из окон и странно морщились, пытаясь разглядеть лица. Пузатый дядька в брюках с подтяжками вышел было на балкон раскурить трубку, да так и встал с зажженной спичкой, услышав песню на чужом языке, да на каком! Молодая женщина в коричневом платье – наверное, учительница – ехала на велосипеде, сбавила скорость, обернулась и вперилась в Гуляева, точно увидела кого-то в страшном сне.

«Ничего, – думал Иван, – им все это в диковинку».

Гуляев, Фролов и Бурматов шли в серых немецких шинелях с бело-сине-красными триколорами РОА на шевронах. Их ждал уютный вечер в кабаке на Принц-Альбрехтштрассе.

Иван Гуляев – молодцевато-подтянутый, с рыжими вихрами из-под фуражки, тридцати пяти лет – выглядел теперь намного лучше, чем летом прошлого года. Тогда, прибившись к чужому отряду, грязный и отощавший, он попал в плен после разгрома на Волховском фронте. Только нос так и остался сломанным, чуть повернутым направо, после общения с одним не самым приятным типом.

Тонкий и светловолосый Денис Фролов, поэт и офицер с внешностью графа и голосом певца Вертинского, приехал в Германию сам, из Парижа – «помогать добровольцам в борьбе со сталинской диктатурой». Помогал чем мог: вел курсы на тему «Россия и большевизм», писал

стихи в газету «Заря»¹. Издал две книги стихов в Париже. Россию он покинул в конце Гражданской вместе с остатками армии Врангеля. Тогда ему было двадцать лет, теперь сорок три.

Владимир Бурматов, бритоголовый великан почти под два метра, с квадратной челюстью и маленькими глазами, попал в плен еще в 1941-м, когда его контузило под Киевом. Немцы взяли его в бессознательном состоянии – не стали добивать, увидев четыре полковничьи шпалы на петлицах.

Сзади зарокотал мотор. Гуляев обернулся: за ними ехал немецкий мотоцикл с коляской, в которой сидел похмельный майор.

«Точно похмельный», – понял Гуляев: он почти спал в своей коляске, подняв ворот шинели, голова его безвольно болталась, но время от времени он приоткрывал глаза и отупевшим, непонимающим взглядом смотрел по сторонам. Железный крест на груди был ему не к лицу.

Уродливое, раскрасневшееся лицо его с прямым римским носом было изрыто оспинами, на правом глазу мутнело голубоватое бельмо.

По всей видимости, офицера разбудила песня.

Иван пригляделся к майору и понял, что тот даже не похмелен, а попросту все еще пьян. И явно хотел выпить еще. Уже в семь вечера. И без того неприятное лицо его говорило, что пил он точно не первый день.

Поравнявшись с офицерами, майор приказал остановить мотоцикл.

Петь перестали – все выжидающе глядели на него. Остановились.

Майор посмотрел на Гуляева единственным видящим глазом, задал вопрос по-немецки: – Русские?

– Русские, герр майор, – ответил Гуляев.

Из них троих Иван знал немецкий лучше всех. До войны он преподавал его в школе. Поэтому, младше всех и по званию, и по возрасту, в кругу своих он держал субординацию, но при гитлеровцах обычно говорил за остальных, когда те поддерживали разговор лишь изредка. Фролов знал язык неплохо, но предпочитал отмалчиваться и «не позориться». Бурматов говорил в пределах фронтового разговорника, изданного для общения с пленными. Не пригодился. Учебка давалась ему с трудом, да и особого желания он не показывал.

– Слышал о вас... Из Дабендорфа? – спросил немец.

– Да, герр майор.

– Пить едете?

– Да, герр майор.

– Я хочу пить с вами.

– Да, герр майор.

– Рольф, едем помедленнее, – сказал майор водителю.

Водитель по имени Рольф не смотрел в их сторону. К пьянству майора он явно привык.

Мотоцикл тронулся, и офицеры снова пошли по дороге. Несколько минут они двигались в полном молчании: майор будто снова чуть не уснул, но поднял голову и спросил у Гуляева:

– Что это за песня, которую вы пели?

– «Варяг», герр майор.

Офицер мотнул головой, не понимая, о чем речь.

– Что это за слово? Что оно значит?

– Так назывался русский крейсер, который мы затопили во время войны с Японией, чтобы он не достался врагу, – сказал Гуляев и зачем-то добавил: – А еще так в Древней Руси называли скандинавских воинов, которых позвали править нашей страной.

Майор еще полминуты переваривал в голове сказанное, а потом улыбнулся:

---

¹ Пропагандистская газета РОА, выпускавшаяся в Берлине. – Здесь и далее примеч. автора.

– Вы назвали свой боевой корабль в честь иностранцев, которые пришли править вами?

– Да, – улыбнулся Гуляев.

– Ты слышал, Рольф? – со смехом сказал майор водителю.

Водитель коротко кивнул без улыбки. Майор махнул на него рукой – мол, не понял шутку. Поправил фуражку, неуклюже перегнулся через край коляски и протянул Гуляеву руку в перчатке:

– Майор Цвайгерт, Триста сорок третья пехотная². Гуляев пожал холодную перчатку:

– Поручик Иван Гуляев.

Он любил называть себя поручиком, хотя это звание, введенное по настоянию белоэмигрантов, не особо прижилось в РОА, и обычно к нему обращались «старший лейтенант».

– Веду политические занятия в Дабендорфской школе РОА, отдел восточной пропаганды особого назначения³, – продолжил Гуляев, а потом кивнул на своих: – Это мои друзья, капитан Фролов и полковник Бурматов.

– Рад знакомству! – перебил Цвайгерт, и Гуляев учуял, как несет спиртом из его рта.

Фролов и Бурматов тоже поздоровались с Цвайгертом. Рольф ограничился тем, что махнул им рукой.

Пока власовцы шли по дороге, а мотоцикл Цвайгерта неторопливо катил рядом, Гуляев вдруг вспомнил, на что похоже это сопровождение: точно так же чуть меньше года назад, в сорок втором, его вместе с остальными вели в лагерь пленных близ Тесово-Нетыльского, на Волховском фронте. Они шагали большой колонной, их было около сотни, грязные, изъеденные вшами и комарами, дьявольски голодные, в драных ватниках и шинелях, и совершенно не знали, что будет дальше. А мимо точно так же проезжал немецкий офицер на мотоцикле. Только он был трезв и строен, в противоположность Цвайгерту, и с худым, щетинистым лицом.

И сидел не в коляске, а за рулем. И взгляд у него был совсем другой. Холодный, цепкий, бегающий, того и гляди – слетит с катушек да пристрелит.

Здесь Гуляев давно не видел, чтобы на него так смотрели. Во взглядах читалось разное – дружелюбие, покровительственное панибратство, иногда брезгливость, но чаще всего равнодушие. Порой проскакивала и сдержанная ненависть, но не было этой звериной готовности убить здесь и сейчас. По крайней мере, пока.

«Это вполне объяснимо, – думал он, – представляя себя на месте этих немцев. Вот ты сидишь в тихой и даже вполне сытой, по военным меркам, Москве, а по улицам маршируют немцы, одетые в советские гимнастерки. Ну, поют иногда песни на своем языке. Но воюют за нас. Как бы наши, собственные немцы». Что бы он испытывал? Гуляев не мог ответить на этот вопрос. Наверное, тоже равнодушие. А может, и выпил бы водки с парочкой фрицев.

«Фрицев...» – мысленно он ударил себя по губам. Странно говорить это здесь, даже думать странно. Какие уж тут теперь фрицы.

– А вы куда пить отправляетесь? – спросил Цвайгерт.

– Не самое элитное место, герр майор. Возможно, вы знаете. «У Луизы» на Принц-Альбрехтштрассе.

Цвайгерт присвистнул, а Рольф криво ухмыльнулся.

– Так вы по бабам! Так бы сразу и сказали, – засмеялся майор. – Тогда нам совершенно точно по пути! Только...

Он понизил голос, снова перегнулся через коляску, икнул.

– Гестапо не боитесь? – спросил он Гуляева.

– Нет, герр майор, – ответил Гуляев. – Напротив, так спокойнее.

---

² Дивизия.

³ Кадровый учебный центр РОА, созданный в 1943 году в 40 км к югу от Берлина близ деревни Дабендорф на месте бывшего лагеря для французских военнопленных.

Кабак и бордель, знакомый избранным под условным названием «У Луизы», на самом деле никак не назывался. Вход без вывески, со двора. Но коллекции выпивки, которую подавали в зале, позавидовали бы многие легальные берлинские рестораны: хозяйка заведения, пожилая Луиза, умудрялась достать и настоящий шотландский виски, и бренди, и отличное вино, и хорошую, добрую водку. Многие ходили сюда не ради плотских удовольствий, а просто выпить и поговорить по душам. Например, гестаповцы.

Штаб-квартира гестапо располагалась в одном квартале от заведения. Полицейские работники облюбовали это место и, по слухам, покровительствовали ему. Поэтому Гуляев, Фролов и Бурматов здесь ощущали себя спокойнее – меньше риск нарваться на недопонимание, конфликт или случайную драку. Здесь их знали и помнили. Услугами проституток они пользовались редко – слишком дорого. Предпочитали просто пить.

Для остарбайтеров немцы запретили вход во многие заведения Берлина, а к добровольцам относились немногим лучше.

Когда они дошли до остановки, Гуляев сказал Цвайгерту, что им придется подождать тут автобус. Майор разочаровался.

– Почему вам не выделили машину? – спросил он. – Это безобразие. Об офицерах надо заботиться.

– Все машины сегодня заняты, герр майор. Выходной, – ответил Гуляев.

Он соврал. Никаких машин им, естественно, не полагалось.

Цвайгерт пожал плечами:

– Встретимся там! Будем пить водку. Только водку, и ничего, кроме водки! – сказал он и скомандовал водителю на полном ходу мчаться дальше.

Когда мотоцикл скрылся за поворотом, Бурматов облегченно выдохнул.

– Он совсем вдрабадан надрался, – сказал он. – О чем вы говорили? Он хочет с нами в кабак?

– Ну да, – кивнул Гуляев. – Не отказывать же ему в компании.

– От него сивухой за километр разит. А что ты ему все «герр майор» да «герр майор», как будто ты денщик какой-то? Ему же посрать на это.

Гуляев промолчал. Достал пачку папирос, предложил остальным. Закурили.

Рядом с ними на остановке сидела только пожилая фрау с небольшим чемоданом. Она подозрительно покосилась на них, услышав чужую речь, но потом разглядела шевроны и успокоилась.

– Может, подружмся, – сказал Фролов, затянувшись дымом. – Вообще, конечно, не думал, что они могут так пить. Пока они в Париж не пришли...

– А я слышал, французы больше всех пьют. Правда? – спросил его Гуляев.

– Да все пьют. Как-то не сравнивал. Но эти, конечно, у нас в ресторанах кутили как черти... Да и я с ними кутил, что уж тут.

– А француженок, это самое, как... – с вопросительным намеком усмехнулся Гуляев.

– А француженок да, это самое. Только так.

Вдалеке на дороге появился автобус.

* * *

Из допроса бывшего капитана РОА Фролова Дениса Андреевича, Москва, 1946 год⁴

– Гуляева могу охарактеризовать как конченную тварь.

---

⁴ Все документы здесь и далее, включая письма реально существовавших людей, вымышлены.

– Поясните.

– Он предал всех. Сначала Родину, потом свое дело, потом друзей, потом себя.

– Странно слышать такое от капитана РОА.

– Я не присягал большевизму. Я вообще в России впервые за двадцать пять лет... Как погляжу, тут многое изменилось. А Гуляев? Он был гнилым человеком. Мы некоторое время. Дружили, но такой мерзости я от него не ожидал. Он оказался хуже нас всех.

– Вы имеете в виду ТО, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В апреле сорок пятого? – Не только это. Он воспринимал людей вокруг как ресурс, для удовлетворения любых своих прихотей. Самолюбленное дерьмо. И было бы что любить... Он всегда искал легкой жизни, всегда хотел легкого выбора. Да, еще в конце марта сорок третьего он начал сходить с ума, но это не может оправдывать всего, что он натворил.

– Когда вы последний раз видели его?

– В апреле сорок пятого. Незадолго до того, как попал к вам. Собственно говоря, из-за него я и попал к вам. И было бы лучше, если б я покончил с собой. К сожалению, мне не выдалось такой возможности.

– Вы предпочли бы застрелиться?

– Я всей душой ненавижу большевизм и буду ненавидеть его до конца. Я знаю, что вы расстреляете меня. Я сражался солдатом и почту за честь погибнуть как солдат.

– А если вас повесят?

– Значит, повесят.

Глава вторая

В начале зимы 1942 года после захвата Любанского выступа никто на Волховском фронте и представить не мог, что ждет их через пару месяцев. И даже в самых кошмарных снах они не видели май и июнь.

Иван Гуляев, получивший в конце января звание старшего лейтенанта за успешное командование стрелковым взводом, обмывая с товарищами новые кубы на петлицы, никак не мог представить, где и кем окажется через год.

Пил он мало, но общался с нетрезвыми сослуживцами охотно. Больше наблюдал, чем пил. Возможно, поэтому на него обратил внимание капитан Полетаев из особого отдела НКВД Второй Ударной.

В конце января Гуляева неожиданно срочно вызвали в штаб армии.

Не понимая, чего от него ждут, он волновался в пути, пока трясся в кузове полуторки. Дважды за поездку приходилось выпрыгивать из машины и залегать на обочине – летали немецкие самолеты. Чудом добрались по разбитой дороге до деревни, где располагался штаб.

В лицо летел противный колючий снег, хмурилось свинцовое небо, мерзли руки в варежках.

Гуляев нашел нужную избу, представился, и его направили в соседний дом. В особый отдел.

По спине прошел холодок. Снял ушанку, пригладил рыжие вихры, вздохнул.

В избе, в которой стоял особый отдел, было темно и пахло керосином, а за столом сидели двое в васьковских фуражках – один с полковничьими петлицами, другой с капитанскими. Оба изучали доклады из папки, склонившись над освещенным керосинкой столом, и тихо о чем-то спорили. Увидев вошедшего Гуляева, предложили сесть.

Гуляев испуганно сглотнул слюну, машинально поправил ремень на шинели, вытянулся.

– Да вы не тревожьтесь, товарищ старший лейтенант, – сказал особист с петлицами капитана. – Садитесь, садитесь. Мы недолго совсем.

– Я послушаю, – сказал полковник и опустился на табурет в углу, прихватив бумаги из папки.

Лицо капитана казалось добрым – с ярким южным колоритом, сухое, морщинистое, но моложавое, ему явно не исполнилось еще и сорока. Гуляеву почудился тот самый «ленинский прищур» с портретов вождя революции. Почему-то ему хотелось доверять. И почему-то он показался Гуляеву похожим на испанца, хотя испанцев он не встречал.

Гуляев уселся на стул, заерзал.

– Так, где это... – Капитан стал копаться в бумагах, сначала в одной папке, потом в другой. – Я капитан Полетаев, рад знакомству. И поздравляю с новым званием. Читал, что отличились на фронте.

– Так точно, товарищ капитан, – ответил Гуляев. – Повел взвод в атаку и уничтожил пулеметную точку противника.

– Очень хорошо. Вас бы наградить. Что ж в штабе не подумали о представлении... А семья ваша как? У вас вроде незадолго до отправки на фронт сын в Ленинграде родился? Как его... Сергей?

– Алексей, – поправил Гуляев. – Они в Ташкенте уже. Писали две недели назад, все в порядке.

Капитан молча кивнул, не отвлекаясь от бумаг, видимо, ему нужно было услышать только имя. Полковник в углу еле заметно усмехнулся.

– О! Нашел! – И капитан вытянул листок с машинописным текстом.

Гуляев вытянул шею, чтобы рассмотреть документ, но вчитаться не получилось.

Полетаев взял со стола круглые очки, нацепил их на уши, пробежался глазами, перевернул чистой стороной вверх и положил на стол.

– Вы, товарищ Гуляев, знакомы с полковником Ильинским?

– Так точно, товарищ капитан. Встречал его несколько раз.

– На пьянках?

Этот вопрос прозвучал внезапно, ехидно, без укоризны, но с какой-то насмешливой издевкой. Гуляева передернуло.

– Ну, значит, сами знаете, – ответил он. – Я-то пью мало...

– А это я тоже знаю, – продолжил Полетаев. – Меня сейчас не вы интересуете. Выдыхайте. Можете закурить.

Протянул Гуляеву открытый портсигар. Тот взял папиросу, чиркнул спичкой, закурил.

В голове его проносились мысли – одна страшнее другой. Слова особиста, что он их не интересует, звучали малоубедительно. Хотелось верить, но мозг твердил, что верить нельзя.

– Слушайте, вы чего так трясетесь? – спросил Полетаев. – Есть что скрывать?

– Никак нет, товарищ капитан, – ответил Гуляев, а внутри у него от слов Полетаева обрушилась снежная лавина.

– Да шучу я, шучу, – улыбнулся капитан. – Так вот, полковник Ильинский. Он сейчас много пьет, верно?

– Так точно, много пьет. По крайней мере, в последний раз я видел его очень пьяным.

– Да вот не только вы...

Полетаев перевернул бумагу, снова пробежался глазами по тексту.

– У нас тут есть донесение в политуправление фронта. Сообщается, что, цитирую, «борьбу вынуждены вести крепкую, особенно с пьянством. – На этом месте капитан поднял глаза на Гуляева, слегка улыбнулся и продолжил читать: – Особенно с пьянством старшего начальствующего состава. Отдельные из них буквально спились. Полковник Ильинский дошел до того, что пропил свой френч с двумя орденами». – Полетаев положил бумагу на стол, слегка прихлопнул по ней ладонью, вновь посмотрел на Гуляева. – Что скажете? Можете подтвердить?

Гуляев очень хорошо помнил этот момент. Это было совсем недавно – пили ядреный самогон в землянке. Ильинский в тот вечер надрался до невменяемого состояния и много ругался. Гуляеву он не нравился.

После вопроса об Ильинском он почувствовал сладкое облегчение.

– Могу, товарищ капитан, – ответил он. – Только не пропил, а проиграл в карты по пьяни.

Полковник в углу присвистнул от удивления.

– Ого, – сказал Полетаев. – Все еще хуже, чем мы думали. А кому проиграл? С кем играл? Вы тоже играли?

– Не играл, товарищ капитан. Там еще был майор Степанов из Пятьдесят девятой армии, прибыл к нам по каким-то делам. С ним он и играл.

– То есть вдвоем играли?

– Так точно.

– Оба пили? Что именно?

– Оба пили. Самогон.

– Где достали?

– Степанов привез из Малой Вишеры.

– Ну дела! Про Степанова не знали. Какой хитрый жук оказался, а, товарищ Афанасьев? – обратился он к полковнику. – Что, узнаем у него, где самогон достал?

Полковник кивнул.

Полетаев достал чистый лист бумаги и карандаш, поправил очки, снова посмотрел на Гуляева:

– Как в целом можете охарактеризовать полковника Ильинского?

Здесь Гуляев не стал бы молчать, даже если б хотел.

– Пьяница, – четко ответил он. – Пьяница, разложившийся элемент. Орет на людей не по делу, провоцирует ссоры и драки. Я видел, как в начале января он, пьяный, ударил по лицу красноармейца, фамилии его не помню, за то, что тот не выполнил воинское приветствие при встрече. Самодур.

Полетаев быстро записывал все карандашом.

– В общем, дурной пример, значит, подает? – спросил он, заканчивая писать.

– Так точно.

Полетаев протянул бумагу Гуляеву, дал карандаш:

– Подпишите.

Гуляев быстрым росчерком поставил свою подпись.

Полетаев с удовольствием вложил бумагу в папку и закрыл ее.

– Вы, товарищ Гуляев, свободны. Объявляю вам благодарность от особого отдела. Вы молодец, что мало пьете и наблюдаете за остальными. Я бы с вами еще поработал. Наблюдайте там время от времени... Разложение в армии надо пресекать.

Гуляев докурил папиросу, ткнул окурочек в пепельницу из консервной банки.

– Наблюдать? – переспросил он.

– Ну да. Кто пьет, кто в карты играет, кто панику разводит... А мы вам тоже поможем, в случае чего. Может, с представлением к награде все же срастется, а?

Гуляев дважды кивнул, не глядя Полетаеву в глаза, потом поднял голову и тихо ответил:

– Так точно, товарищ капитан.

– Вот и славно. Свободны! Я за вами пришлю в следующее воскресенье. Всегда лучше быть друзьями, верно?

И подмигнул.

Когда Гуляев вышел из избы, он увидел, что перестал идти снег и посветлели облака.

На той самой пьянке полковник Ильинский, проиграв френч, обрушил свою злость не на Степанова, с которым он играл в карты, а почему-то на самого Гуляева. Стал вдруг ни с того ни с сего кричать, что он недотепа, сосунок, прошел офицерские курсы и не видел настоящего ада войны, а он-то, Ильинский, прошел Финскую и видел такое... Гуляев не возражал. Слушал и молчал.

«Вот тебе и сосунок», – подумал Гуляев и пошел к грузовику.

Ивану нравилось думать о том, как ловко он смог умыть этого урода.

* * *

Из воспоминаний Героя Советского Союза сержанта Владимира Русанова, 1960 год

...На Волховском фронте я был простым красноармейцем. В июле 1942-го, когда разгром Второй Ударной был уже очевиден, нашим взводом командовал старший лейтенант Гуляев, мы пытались выйти болотами из окружения.

Что я могу о нем сказать? С самого начала я чувствовал в нем какую-то гнильцу и уже сильно позже, после войны, узнал, что он перешел к власовцам. Сейчас трудно о таких писать. Скажешь, мол, что хороший командир – так заключают, что не рассмотрели, в нем врага. А напишешь, что человек был гниль – спросят, почему не доложили. Но человек был гниль.

Раскрылся не сразу, конечно. Командовал хорошо, тут не отнять. Но складывалось ощущение, что, когда он шел в атаку, он делал это... от испугу, что ли, или от безысходности. Отчаянный, конечно, был. Не всегда считался с потерями.

Был вот случай: Гуляев как-то на смотре нашел у одного бойца немецкую листовку с «пропуском» для сдачи в плен. Листовку он изъясил и сказал, что не доложит начальству, если тот поделится с ним пайком. Вот такой был человек – ради половины пайка... Время тогда уже было сложное, формировался котел.

А последний раз Гуляева я видел при попытке выйти из окружения – уже тогда, при полном разгроме, в начале июля. Все страшно голодные, измученные, еле передвигались, а немцы нас еще и с минометов утюжили. Мы потеряли почти весь взвод и отходили обратно на позиции. Было нас трое – я, Гуляев да красноармеец Шишаков, сильно контуженный. Гуляев устал идти, прилег и приказал мне двигаться дальше вместе с Шишаковым.

На позициях мы с Шишаковым никого не обнаружили. Потом уже прибились к небольшому отряду. Через день с тяжелыми боями сумели наконец прорваться к своим.

Глава третья

В темном полуподвальном баре вечер только начинался. Один офицер был еще трезв, другой уже неприлично трезв – так Фролов называл состояние, когда ты вроде как и выпил по-человечески, но все еще сохраняешь трезвый рассудок и мир тебе отвратителен. Еще один дремал за столом. В уголке сидели двое в гражданском. Они мельком взглянули на русских и вернулись к своим делам. Власовцев тут уже хорошо знали. В местном гестапо привыкли, что проблем от них можно не ждать – знают свое место.

Из мембраны патефона звучал голос Эрика Хелгара⁵.

Едва Гуляев, Фролов и Бурматов заняли угловой столик, к ним подскочила бойкая полудетая девица и принялась щебетать на ломаном немецком с отчетливым южнославянским говором.

Иван виновато улыбнулся и развел руками – мол, не до тебя. Девица все поняла, нахмурилась и отошла. А напоследок обернулась к ним и спросила по-русски:

– Водки?

Все трое кивнули.

С графином и тремя лафитничками подбежала уже другая девица – полячка, знакомая Гуляеву еще с прошлых визитов. С дежурной улыбкой накрыла на стол, забрала деньги.

На закуску попросили соленых огурцов и жареных колбасок.

– Огурцы тут говно, – сказал Бурматов, разливая водку по лафитникам. – По нашим скучаю.

– Ты это, – ответил Гуляев. – С такими фразами осторожнее. «По нашим скучаю». Могут не так понять.

– По огурцам, конечно, – усмехнулся Бурматов. – По огурцам. Мама моя, царствие небесное, такие в бочке солила. Я даже, когда еще не пил, за обе щеки уламывал.

– А пить когда начал? – спросил Фролов.

– А как в армию пошел, так и начал. До того ни-ни. С тех пор огурцов маминых так и не видел. Да и маму тоже. В тридцать пятом умерла. На похороны в Рязань съездил. А сейчас когда еще в Рязани окажусь...

– Ну, кончится война... – сказал Гуляев.

– Кончится-то она всяко кончится, – и как будто хотел договорить, но не стал. – Ладно, вздрогнем.

Чокнулись, выпили, закусили огурцами.

Девица с южнославянским говором пыталась охмурить *неприлично трезвого* офицера в другом углу. Тот отмахивался.

Спустя полчаса в бар ворвался Цвайгерт, и не один, а с двумя хмельными лейтенантами. Майор явно успел догнаться алкоголем и, судя по необыкновенной бодрости, чем-то еще.

– Вот они! – улыбаясь во все зубы, Цвайгерт показал лейтенантам на русских. – Шли по улице и русские песни пели! Звери, друзья, они просто звери!

Он совсем не походил на того Цвайгерта, которого они видели на дороге – ни капли сна в глазу, веселые глаза, развязная походка, безобразное красное лицо перекошено дикой улыбкой, а бельмо будто еще сильнее помутнело.

– Они назвали свой боевой корабль в честь иностранцев, которые пришли править ими! – продолжал веселиться майор. – Не удивлюсь, если они еще ходят в атаку под музыку Вагнера.

---

⁵ Эрик Хелгар (1910–1992) – немецкий певец и киноактер, звезда эстрады Третьего рейха.

Гуляев напрягся. Майор явно что-то принял, и его поведение могло оказаться непредсказуемым. Кокаин? Ну да, точно, и движения дерганные, и настроение слишком приподнятое... Иначе он бы спал на ходу.

Цвайгерт притащил три стула, подсел к власовцам, пригласил лейтенантов. Те сняли фуражки, майор же остался в ней, свернутой набекрень, и в расстегнутом кителе. Теперь Гуляев увидел, что он еще и шмыгает носом. Что ж, понятно.

– Что вы пьете? Господи, водку! Водку! Вы в России водки не напились?

– Вы же сами хотели пить только водку и ничего, кроме водки, – ответил Гуляев.

– А-а... Это... – Цвайгерт засверкал глазами. – Понимаете, я очень ветреный и внезапный человек. Война, друзья! Война! Что только она может сделать... Ах да. Друзья, выкладывайте.

Лейтенанты, как по команде, открыли походные сумки.

Гуляев не думал, что в сумках может уместиться столько бутылок.

Спустя полминуты стол оказался заставлен тремя бутылками французского коньяка, рейнским вином, ветчиной, шоколадными плитками...

– Угощайтесь, берите все! – сказал Цвайгерт. – Не жалейте, у меня еще много такого.

Персонал заведения не обращал на это ровно никакого внимания. Видимо, Цвайгерт был у них *совсем своим*. Даже двое в штатском не взглянули на майора.

Фролов, увидав знакомый французский коньяк, принялся открывать бутылку.

– Познакомьте нас с вашими друзьями, герр Цвайгерт, – сказал он, разливая коньяк.

– Совсем забыл, прошу прощения! Но не имеет никакого значения, как их зовут. Они скоро уйдут. Вы даже забудете, как они выглядели.

Один из лейтенантов вдруг взглянул на часы, встал из-за стола, надел фуражку и совершенно чистым, трезвым голосом сказал:

– Прошу простить, у нас дела. По долгу службы.

Второй тоже встал и надел фуражку, ничего не сказав.

Оба откланялись, вытянули руки в приветствии и пошли к выходу.

Когда за ними захлопнулась дверь, Гуляев вдруг понял, что и правда не помнит, как они выглядели: «Цвет волос? Глаза? Лица? Телосложение? Стройные, полные? Рост? Тьфу! Как будто они как пришли, так и ушли с размытыми пятнами вместо лиц. Что за чертовщина? Как...»

– Ты помнишь, как они выглядели? – спросил он шепотом у Бурматова.

Полковник пожал плечами:

– Как-то не обратил внимания.

– Да что вы к ним прицепились! – вскрикнул Цвайгерт. – Ну были и были. Это не имеет ровно никакого значения. Давайте пить!

И немедленно присосался к открытой Фроловым бутылке коньяка.

– Я же вам налил... – сказал тот.

Цвайгерт не ответил. Он сделал, кажется, глотков десять.

– Как воду пьет, – прошептал Бурматов Гуляеву.

Майор закончил пить, вытер ладонью лицо и ответил:

– Война, друзья. Бессердечная тварь, война. Вот что она делает с людьми.

Шмыгнул носом, подмигнул всем троим и вновь присосался к бутылке.

Дождавшись, когда он перестанет пить, Бурматов впервые заговорил с Цвайгертом, спросив на ломаном немецком:

– Извините, где вы воевали?

– Везде! – выпалил Цвайгерт и шмыгнул носом.

– Это как? – переспросил Гуляев.

– Друзья называют меня духом войны, потому что я везде, – и засмеялся. – Шучу. Я воевал в Польше, во Франции, год провел на Восточном фронте. Воевал с вами, да-да, с вами. Жизнь помотала меня в разные стороны. Война, война... А вы почему не пьете?

Гуляев и Бурматов залпом выпили коньяк, Фролов сделал пару глотков.

– А где именно на Восточном фронте воевали? – уточнил Фролов.

– Я получил это, – он указал на Железный крест, – в битве за Волхов.

Гуляев поперхнулся коньяком.

– Я там был, – сказал он. – Вторая Ударная армия. Попал в плен в начале июля сорок второго.

– Не попали, а сдались, – с улыбкой поправил Цвайгерт.

Иван неуклюже хмыкнул и снова выпил.

– Да, были времена, – продолжал майор. – Может, и встречались там, как знать? Вот, взгляните. Это была настоящая жопа мира!

Из кармана Цвайгерт вытащил небольшую желтоватую фотокарточку. Выложил на стол, повернув к Гуляеву.

На фотокарточке действительно стояли Цвайгерт и двое его сослуживцев, уже в летней форме, а значит, незадолго до разгрома Второй Ударной. А на заднем плане – выложенная досками просека в березовом лесу и огромная табличка с надписью «Здесь начинается жопа мира»⁶.

– Да, это под Тесово-Нетельским. Там мы и стояли, – сказал Гуляев, возвращая фотокарточку. – Это действительно была жопа мира.

– Для всех, мой друг. Для всех, – ответил Цвайгерт. – О, девочки!

Две невесты откуда взявшиеся полуголые девки в мехах и жемчугах, стройные, разукрашенные, сели по сторонам от Цвайгерта на стулья, оставленные лейтенантами. Захохотали, стали обнимать его, целовать в щеки и призывно поглядывать на власовцев.

– Герр майор, герр майор! – щебетали они. – Как давно вы у нас не были! Мы скучали, да-да, очень скучали!

Гуляев не видел их здесь раньше; говорили они, в отличие от остальных работниц, на чистейшем немецком, да и выглядели не в сравнение краше.

Цвайгерт сально усмехнулся, достал из кармана кителя несколько купюр, раздал девицам.

– Попозже, дорогие, попозже, – говорил он им, шмыгая носом. – И позовите потом подруг, моих друзей тоже не оставьте. Сегодня все для них! Сегодня они короли!

Гуляев завороченно смотрел на Цвайгерта – пьяного, под кокаином, в расстегнутом кителе, с двумя девицами – и поймал себя на чувстве зависти. Он хотел быть сейчас на его месте. Хотел быть таким же. Откуда у него столько денег?..

– Сегодня у вас будет королевский вечер и королевская ночь, – сказал майор, будто услышав его мысли. – Клянусь, вы в жизни такого не испытывали.

Девы взяли деньги и ушли, помахав на прощание тонкими ручками всем троим.

Как только они исчезли, Гуляев понял, что опять не помнит, как они выглядели. Прямо как с теми лейтенантами. Да, красивые. Но как...

Власовцы переглянулись, подумав об одном и том же. Всем троим это уже казалось слишком странным. Но в следующие несколько секунд Цвайгерт усилил это ощущение до максимума.

– Грета! – Он хлопнул в ладоши. – Поднос!

Девушка по имени Грета (ее Гуляев тоже раньше не видел) тут же возникла за правым плечом Цвайгерта со сверкающим серебряным подносом, со звоном поставила его на стол.

---

⁶ Широко известная фотография придорожного щита с надписью «Hier beginnt der Arsch der Welt!», установленного по распоряжению командира 121-й пехотной дивизии вермахта в районе Волховского фронта.

Майор сунул ей в руку смятую купюру и извлек из кармана кителя плоскую жестяную баночку из-под помады для волос. Открыл ее одним движением, поставил на стол рядом с подносом.

Баночка оказалась наполненной белым порошком.

Не глядя на вытянувшиеся в удивлении лица собеседников, достал из кармана перочинный нож, высыпал порошок на поднос, принялся аккуратно ровнять четыре жирные полосы.

– Нет-нет, – замотал головой Бурматов. – Только не это.

Цвайгерт, не глядя, придвинул его порцию к своей.

– Я тоже, – сказал Фролов. – Спасибо, но...

Его порцию Цвайгерт тоже прибавил к своей. Получилась чудовищная доза, которая свалила бы с ног лошадь. Он с вызовом посмотрел на Гуляева.

Тот смутился.

– Я... Мне чуть поменьше.

Майор молча кивнул и отнял ножом часть дозы Ивана, тоже прибавил к своей. Свернул в трубочку купюру, протянул перед собой.

– Я выпью для храбрости, – сказал Гуляев и присосался к бутылке коньяка, точно как Цвайгерт.

Майор с одобрением ухмыльнулся. Фролов и Бурматов вернулись к водке.

Спустя десять минут к ним, взбодрившимся и веселым, подошел *неприлично трезвый* офицер, до того косо поглядывавший на всю компанию.

На власовцев он не смотрел, все его внимание теперь было приковано к Цвайгерту. В глазах читалась бычья ненависть.

Майор не удостоил его взглядом. Он чертил ножом новую порцию.

– Мы потеряли Ржев, – сказал офицер.

Цвайгерт не ответил.

– Мы потеряли Ржев, – офицер не унимался.

Цвайгерт поднял на него ополоумевший взгляд и улыбнулся во все зубы, будто не понимая, о чем речь, хотя он, очевидно, прекрасно все понял.

– Я знаю, – ответил он.

– Вы тут пьете, нюхаете, баб за сиськи дергаете. Сколько наших ребят полегло. Вы слышали про Ржев?

– Слышал, – сказал Цвайгерт и продолжил чертить дорожку.

Гуляев, Фролов и Бурматов притихли и решили не вмешиваться.

– Мало того, – продолжал офицер. – Вы тут пьете с ними. С этими свиньями.

Гуляев сжал зубы.

– С этим большевистским отродьем. Какого черта они вообще тут делают! Вы верите этим предателям? Вы с ними, значит, весело попиваете коньяк, пока наши ребята гибнут на фронтах? Скоты!

Цвайгерт не ответил.

Тогда офицер вдруг резко схватил край подноса и с лязгом опрокинул его на пол.

В воздухе поднялась белая пыль. Потом она медленно осела на столе, на кителе Цвайгерта и его фуражке.

Лицо майора оставалось совершенно невозмутимым, он снял фуражку, слегка отряхнул ее, отложил в сторону, пригладил волосы и встал.

– Как вас зовут? – спросил он у офицера.

– Аксель Вебер, Семьдесят шестая пехотная. Воевал под...

– Сталинградом, – перебил Цвайгерт. – Эвакуирован раненым. Я знаю, как вас ранило. Вы самострел.

– Ч-что?.. – У Вебера глаза полезли на лоб.

– Об этом никто не знает, правда? Вы пытались застрелиться. Вам было очень страшно. Этот темный штабной подвал, эти постоянные обстрелы... Понимаю, дорогой мой. Понимаю. Смалодушничают. Вышли покурить зимним вечером на воздух и пустили пулю себе мимо сердца. Вы сами до сих пор не знаете, хотели покончить с собой или сделали это, чтобы выжить. Так бывает. Нашло что-то.

Вебер не знал, что ответить.

Власовцы замерли в пьяном изумлении.

– Правда, вы получили знак за ранение и уже несколько месяцев с гордостью рассказываете всем, что это был снайпер. Ну да, ну да. Хорошо, что ваш отец погиб в семнадцатом и не видел этого позора.

Побледневший Вебер схватился за край стула и с трудом уселся.

– Ничего страшного. – Цвайгерт дал ему бутылку коньяка. – Пейте сколько влезет. Какое дело вам теперь до Ржева? Пейте!

Вебер присосался к бутылке и начал пить без остановки. По его щекам текли слезы.

Когда он поставил бутылку на стол, Цвайгерт улыбнулся, похлопал его по плечу, резко сменил выражение лица и жестким тоном сказал:

– А теперь вон отсюда.

Вебер, всхлипывая, медленно встал, руки его дрожали. Шатаясь, он пошел к своему столу и уселся, непонимающе оглядываясь.

Возле их столика уже хлопотали девицы, они подметали рассыпанное и хихикали, поглядывая на власовцев.

Все это было дико, необычно, волшебным и вместе с тем чудовищно; все кружилось в вихре абсурдного танца: и музыка из патефона, и полуголые девки, и этот коньяк, и белая пыль в воздухе. Гуляева уносило. Он никогда не чувствовал себя таким счастливым. Никогда еще не было так пьяно и смело.

Он готов был отдать Цвайгерту всю свою жизнь, лишь бы это длилось вечно.

– Я готов отдать вам жизнь, – сказал он это вслух. – Лишь бы это длилось вечно.

Майор улыбнулся в ответ, не глядя на него, и чертил на подносе новую порцию.

Унесенный вихрем Гуляев не заметил, как две женщины в мехах утащили куда-то Фролова и Бурматова, а потом еще одна обняла его за плечо и прошептала на ухо с придыханием:

– Пойдем со мной, рыженький.

Роскошная, черноволосая, с пухлыми алыми губами. Валькирия.

Она взяла Гуляева за руку и повела в полутемный коридор, оклеенный алыми обоями. Гуляеву все виделось в неземном свете, искрилось, смеялось в ответ, и в этот момент он чувствовал себя богом.

Девушка завела его в роскошную комнату, залитую бордовым светом, с огромной кроватью и охотничьим гобеленом на стене. Усадила на кровать, провела ладонью по лицу, поцеловала в щеку и игриво ткнула пальцем в кончик сломанного носа.

Гуляев зажмурился от счастья.

Девушка легонько щелкнула его по носу и игриво захохотала.

– Я сейчас приду, рыженький, – сказала она. – Пять минут.

Встала и ушла, оглядываясь и смеясь.

Господи, думал Иван, куда же это я попал, что же это за счастье, почему мне так хорошо.

Он расстегнул китель и лег на кровать, широко расставил руки, представляя, будто он летит в этот темный потолок со старинной лепниной, в гобелен, в лес, на охоту, в сказочный мир.

Скрипнула дверь.

На пороге стоял Цвайгерт с «люгером» в руке.

Гуляев резко вскочил и сел на кровати.

Лицо Цвайгерта опять казалось другим, в нем не было и тени от бывшего веселья и развязности, глядел он строго и сурово.

– Гори огнем, – сказал он на чистом русском без малейшего акцента.

Прицелился и выстрелил Гуляеву в лоб.

* * *

Из статьи полковника РОА Владимира Бурматова в газете «Заря», март 1943 года

...Школа пропагандистов Русской освободительной армии в Дабендорфе скоро закончит обучение первого сбора. Курсанты, получив массу полезных знаний и умений, отправятся к русским военнопленным, чтобы рассказать им, как в Германии идут дела на самом деле.

Мы преподавали курсантам методику и практику пропагандистской деятельности читали лекции на темы «Германия», «Россия и большевизм», «Русское освободительное движение». Занимались строевой подготовкой, рассказывали, как найти правильный подход в общении с нашими соотечественниками. Проводили экскурсии по Берлину – к примеру, в прошлом номере вышел репортаж о посещении русскими курсантами пивоваренного завода.

Я горд, что принимаю участие в подготовке кадров для новой России. Уверен, что курсанты в самом деле станут элитой освободительного движения.

И вот что я хотел бы особо отметить незадолго до выпуска.

Друзья! Призывая соотечественников к оружию против большевизма, освободите свои души от ненависти.

Пусть ненависть к сталинской клике сплотит и воодушевит нас на поле боя. Но, разговаривая с нашими пленными братьями, покажите им, что сердца ваши горят любовью к России и русским. Надеждой на новую Россию. Верой в мужество русского солдата.

Мы ведем борьбу за построение России без большевиков, помещиков и капиталистов, в составе новой Европы под руководством Германии.

Мы сражаемся за восстановление частного землепользования, торговли и ремесленничества, за восстановление крупной промышленности. Россия под крылом Германии станет по настоящему свободной и процветающей страной.

Наша задача – не разжечь в их сердцах ненависть, а пробудить подлинное русское национальное чувство.

Под руководством вождя Германии и новой Европы Адольфа Гитлера мы достигнем мира и согласия между народами.

Глава четвертая

Новорожденный просыпается в открытом гробу из черных обугленных досок, запах дыма бьет в ноздри.

Прямо над Новорожденным своды старого храма, размаленные ужасными фресками. Нарисованный огонь пожирает людей, драконы терзают их скованные цепями тела, черти рубят мечами головы; круговерть огня, реки крови, и все это выцвело старинной мазней на облупленных сводах.

Вот толпа грешников ждет своей очереди у адских врат в виде пасти дракона; а вот жрет их живьем огромный змей, закованный в кандалы; а вот белый скелет верхом на трехголовом псе поражает людей трезубцем.

А в вышине храма, в самом центре, там, где должен быть купол, – огромная дыра, через которую светит ярко-алое небо с бордовыми облаками.

Сквозь пыльные витражи с картинами ада пробивается слабый бордовый свет.

Новорожденный смотрит на свое грязное голое тело. Это тело взрослого человека, но он знает, что имя ему – Новорожденный.

Больше он ничего не знает.

Он с трудом приподнимает руки, хватается за края гроба, гнилые доски крошатся под пальцами и разъезжаются в стороны. Гроб с треском ломается, и Новорожденный падает на холодный каменный пол церкви.

Первая мысль появляется в его голове, она будто нарисована черными печатными буквами прямо перед глазами:

ьвокрец ен отЭ.

Что за чушь.

ьвреч тедирп сачйеС.

Он бредит, он ничего не понимает, но слова вдруг складываются в стройную картину, и его начинает тошнить.

Новорожденный садится на пол, и его тело разрывает судорогами. Рвет сильно, неудержимо, будто все нутро стремится наружу.

Его рвет, и изо рта на пол вываливается в мутной слизи огромный белый червь размером с руку по локоть. Отвратительная белая личинка дергается на полу и медленно увеличивается в размерах, удлиняется, начинает шевелиться, ползет.

Ползет в сторону обгоревшего амвона, постоянно удлиняясь.

Новорожденный утирает ладонью вонючую слизь с губ и завороченно глядит на червя.

Червь обвивает амвон, взбирается по нему наверх и смотрит на Новорожденного, хоть у него и нет лица и глаз, а только белая пустота.

И раздается его голос; он звучит не от самого червя, а будто из всех стен церкви, но Новорожденный знает, что это говорит червь.

– Ты знаешь, как тебя зовут? – спрашивает червь.

Новорожденный открывает рот, чтобы ответить, но судороги все еще сводят глотку, и слова сохнут на языке. Он сглатывает слюну и наконец отвечает:

– Новорожденный.

– Ты человек?

– Я не знаю, что это такое.

– Ты помнишь, кем был?

– Я всегда был Новорожденным.

– Может, ты был кем-то еще?

– Нет.

– Вспоминай.

Новорожденный пытается вытащить хоть что-то из дальних уголков подсознания, но все чисто и пусто, нет ничего, он был никем.

– Я не могу, – говорит он.

– Вспоминай, – продолжает червь. – И измени это. И Новорожденный вдруг вспоминает, как сорвался ногой в трясины и едва не утопил сапог, промочив портянки насквозь, и страшно кружилась голова после прилетевшей в двадцати шагах мины, хорошо хоть вовремя успели залечь.

Гуляев не понимал, в какую сторону идти, и двигался интуитивно. Сколько патронов осталось в ППШ, он уже не помнил, но явно меньше полудиска. Каску сбросил, повесил на ремень – постоянно болела шея. Драная шинель промокла от болотной воды и отяжелела, но снимать нельзя, можно совсем замерзнуть.

Уже наступил июль, но бойцы и офицеры оказались настолько истощены, что не ощущали жары в шинелях и ватниках, к тому же только они защищали от гнуса⁷.

Гуляев ничего не ел уже четвертый день. Сознание мутилось, желудок давно привык к спазмам, не хотелось даже лишний раз переставлять ноги, но надо, иначе – смерть.

Вылазка с попыткой разведки для прорыва не удалась. О самом прорыве не могло быть уже и речи. Гуляев потерял почти все отделение, собранное из остатков его взвода.

С ним остались только красноармейцы Русанов и Шишаков, оба, как и он, контужены. Русанов брел, опираясь на винтовку, как на костыль; Шишаков, казалось, выглядел бодрее и даже что-то говорил, но никто не слышал его. Скорее всего, он бредил. Где-то неподалеку возвращались еще несколько бойцов из других отделений – а что еще делать?

Все понимали, что нельзя просто так брести, потому что в любой момент их снова накроют минометом, и надо бежать скорее к своим, там хотя бы больше шансов не словить пулю или осколок, но силы кончились.

После обстрела в лесу вновь воцарилась тишина, только несло порохом и болотом вперемишку со сладким запахом смерти.

Запах смерти пронизал этот лес насквозь. Он впитался в землю, в болотную воду, в переломанные деревья, в останки ржавой техники.

К этому запаху невозможно привыкнуть. Он всегда чужероден, неестественен для человека, напоминает о том, во что он превращается, когда его голову пробило осколком или когда его тело прошило пулеметной очередью.

И всюду жужжали мухи.

Иван сделал еще несколько шагов, опустил под березу, привалился спиной к стволу, бросил рядом ППШ и закрыл глаза. Сил не осталось. Кора с березы была ободрана в нескольких местах. Ее ели.

---

⁷ Согласно воспоминаниям и фотоматериалам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.